

О ВЕКТОРАХ И О ПРЕДЕЛАХ МОДЕРНОГО ПОНИМАНИЯ ДЕМОКРАТИИ

В.А. Мартынов

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия

vmartynov@list.ru

Среди тушиков радикального конструктивизма один из наиболее проблемных – модерное понимание демократии. Новейшая теория демократии, развитая в только что появившейся книге А. Магуна, – очевидный пример. Выбор метода логично подводит автора к левому радикализму, апология которого почему-то объявляется автором моделью подлинной демократии, соответствующей ее историческому смыслу. Попытки вписать эту модель в историко-культурный контекст требуют нескольких критических замечаний. Основная проблема концепции «актуальной» демократии – легкость, с которой приносится в жертву историзм как фундаментальный эпистемологический принцип. Это ожидаемо, так как историзм в конструктивизме как таковом теряет свою значимость. Чтобы выйти к исторической реальности, нужна воля к реальности, а в радикальном конструктивизме ее по определению нет и быть не может. И тогда произвольно сконструированная оптика с зашторенной диафрагмой, взятая из лозунгов сегодняшнего политического истеблишмента, навязывается взгляду субъектов истории, поскольку саму возможность контроля мы отбросили вместе с понятием реальности, и историческая действительность начинает оцениваться по стандартам модных шаблонов. Именно на этом пути любые значимости с легкостью необыкновенной объявляются «пустотами». Именно так появляется воинственный скептицизм по отношению к историческим версиям демократии. Выразительность концепции А. Магуна интересна своей последовательностью, более решительной, чем у предшественников, и готовностью твердо объявить тоталитарное насилие смыслом демократии.

Ключевые слова: демократия, эпистемология, конструктивизм, революция, древнегреческая демократия, этос, Ленин, Эсхил.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-32-40

В сегодняшнем медийном пространстве всё чаще слышны разговоры о «кризисе демократии» (из известных публицистов активнее других высказывался по этому вопросу Д. Куликов). Контекст у наших споров непростой: 2014 г. изменил не только политическую карту, он изменил нас. Мы стали больше говорить и меньше слушать. Это и есть радикализм, атмосфера гражданского противостояния. Телеэфир сам собой заполнился теледебатами, где, собственно, и дебатов-то нет, а есть перекрикивание. В перекаленном воздухе любое

слово – как спичка возле бочки с порохом. Тогда задача науки – способствовать умиротворению дискурса. Меньше лозунговости, больше эпистемологии. Здесь проблема: движение вглубь утяжеляет дискурс, ритм антилозунгового размышления будет чем-то более медленным, чем самое-самое «медленное чтение». А жанр вызовет неизбежное подозрение в негативизме. Полагаю, что с риском попадания под подобную критику можно смириться. Оглядка на чужое слово – это нормально в XXI в. после всех сражений вокруг Другого в XX-м.

И тогда это отчасти негативизм собственной идентичности, слова как такового, тогда любая «очень медленная статья» будет приобретать черты рецензии. Но возможно что-то еще намного медленнее рецензии. Жанр «заметок» – нечто и очень старинное, и актуальное. Кстати, и сам ритм, и момент негативной идентичности собственно слова «медленных заметок» – всё это моменты историзма. Следствия историзации «Я». Это контекстуализация собственного слова.

* * *

Недавно вышла из печати книга А. Магуна с названием, как нельзя подходящим для ситуации моды на медийные споры о кризисе демократии: «Демократия» [3]. Книга, очевидно претендующая на то, чтобы быть итоговой по теме концептуальной монографией, плюс к этому отчасти учебником, но еще и краткой энциклопедией политической и социальной мысли. Книга, достойная того, чтобы быть таким итогом – с уточнением: итогом современной науки. Книга яркая, интересная. Полиформатная, как и положено современной книге: юридически значимая политология переходит в философию, в социальную эпистемологию – всё это дополняется фундаментальным на первоисточниках историческим взглядом. Сразу вопрос: а точно ли, что эти три дискурса объединены общей эпистемологической программой? Так, в режиме юридически значимой бухгалтерии уже в исходной точке дается жестко формализованное определение демократии из обширного списка обязательных к исполнению критериев¹ (общее определение демократии

¹ «Современная демократия – это конституционный режим представительного правления с обязательным разделением законодательной и исполнительной властей в отсутствие наслед-

продублировано на обложке книги). Определение дано хотя и с оговорками о том, что оно «не выражает моих политических идеалов» [Там же, с. 39], но присутствует в книге регулярно как нормативное. А книга заканчивается свободным философским полетом, итог которого – определение демократии как единства революционного подъема и жесткого централизма. И тогда от всей бухгалтерии исчисления критериев не остается ровным счетом ничего, в финальном аккорде она испаряется.

Сложно стыкуются между собой философия с историческим разделом. В исторической аналитике А. Магун предстает, как и положено современному интеллектуалу, радикальным конструктивистом. А в философском полете он предстает чуть ли не метафизиком, почти прямым наследником Аристотеля. Он позволяет себе разделить демократию на реальную и идеальную, формальную и содержательную, что категорически недопустимо в конструктивизме². Это различие дается в самом начале с легкой иронией [Там же, с. 38], в дальнейшем оно появляется снова и снова, превращаясь в регулярный инструмент [Там же, с. 105, 114]. Так, итоговое определение демократии как единства революции и диктатуры основано именно на нем.

ственных привилегий и иерархий» [3, с. 37]. Далее перечисляются шесть признаков: власть народа, выборность, общественный процесс, федеративность, историчность (революционность), разделение общества и государства.

² В общей формулировке, в которой «конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием», оспаривать конструктивизм всерьез вряд ли кто возьмется. Возражения вызывает готовность к радикальному разрыву с эпистемологическим реализмом. Об этом недавно говорилось в рамках дискуссии в Институте философии РАН. О дискуссии и радикальном конструктивизме см. [4].

Исторические экскурсы имеют исключительное значение для концепции А. Магуна (сегодняшний смысл слова «демократия», по Магуну, насквозь пропитан «событийностью»), поэтому вначале об исторической аналитике, о проблемах, которые здесь возникают. Дело в том, что в радикальном конструктивизме подлинный историзм невозможен в принципе. Декларируя историзм как форму эпистемологической строгости, конструктивизм в реальности аналитики обнаруживает себя как тотальный антиисторизм. Чтобы выйти к исторической реальности, нужна в эпистеме воля к реальности как таковой, а в радикальном конструктивизме ее нет по определению и не может быть. И тогда произвольно сконструированная оптика с зашторенной диафрагмой, взятая из лозунгов сегодняшнего политического истеблишмента, навязывается с неконтролируемой энергией взгляду субъектов истории, поскольку саму возможность контроля мы отбросили вместе с понятием реальности. На словах аналитика рисуется, разумеется, как последовательный историзм. Но на деле историческая действительность кромсается под стандарты модных шаблонов. Именно на этом пути оказывается возможной легкость необыкновенная в объявлении любых значимостей «пустотами». Именно так появляется воинственный скептицизм А. Магуна по отношению к историческим версиям демократии, прежде всего по отношению к древнегреческой демократии.

За что можно судить греков, уже понятно из сказанного, т. е. по любому пункту из списка критериев демократии образца 2016 года. Плюс к этому: за отсутствие равного распределения свободного времени [3, с. 70–71]; за «сохранение наследственной аристократии и имущественного

неравенства» [Там же, с. 65], за гендерную дискриминацию, за империализм [Там же, с. 68] и т. п. При этом за гендерную дискриминацию суд совершается по шаблону конструкта «гендер», целиком и полностью взятому из дискурса 1970–1990-х, из времени торжественного пришествия Гендера; за империализм греков судим по шаблону конструкта «империя», который имеет очень слабое отношение к античным империям, поскольку целиком и полностью вынут из контекста сегодняшних идеологических боев последних двадцати пяти лет; за «экспорт демократии» суд [Там же, с. 69] осуществляется по шаблону понятия, взятого из газет последних пятнадцати лет. Итог – выигрыш автора за явным преимуществом. Демократия греков (не только греков) – только «лозунг» [Там же, с. 70, 76], «фикция» [Там же, с. 43], «передергивание» [Там же, с. 100]; слово – абсурд, слово-симулякр («сочетание звуков» – Ж. Деррида, цитируем по А. Магуну [Там же, с. 63], где заявленный лозунг полноты власти народа прикрывает Пустоту.

Выход к сложности становится возможен, когда автор объявляет программу последовательного различения идеального и реального. Казалось бы, это выход за пределы догматически-формального понимания демократии как списка обязательных норм, вчера сочиненных, но объявленных навечно. Но на самом деле даже после объявления программы ностальгии на классику, на метафизику и антиформализм³ прямого политизированного догматизма в книге о демократии не становится меньше. Просто к списку догм прибавляется еще одна: требование

³ Самые выразительные слова о необходимости содержательного подхода такие: «Имея в основе один формальный принцип, она [демократия – В.М.] должна наполниться еще и содержанием» [3, с. 145].

прямой перманентной революционности, т. е. бунта как формального принципа, бунта ради бунта. Добравшись до этих страниц, понимаешь, за что на самом деле так строго были осуждены как изобретатели демократии греки, так и позднейшие их преемники: за отсутствие ленинского – троцкистского – маоистского радикализма. По А. Магуну, демократия – это механизм постоянно действующего самозапуска массового бунта. Вначале о демократии сказано, что в ней присутствует «анархическая черта» [Там же, с. 132]. В примечании идет уточнение смысла этой «черты»: она является «свергающей эту (государственную – В. М.) власть, активно борющейся с любыми ее проявлениями». После этого уточнения природы демократии уже не удивит обобщающий тезис о революционной природе демократии: революции – это то, в чем демократия «находит свое выражение» [Там же, с. 133], революция – «действующая причина» демократии [Там же, с. 124], т. е., очевидно, постоянно действующая. Перманентность и массовость революционного действия были уточнены так: это «самоконституирование народа в коллективном действии» [Там же, с. 130]. То есть демократия – непрерывное созидание народом самого себя в революционном действии, перманентный бунт. Процесс демократизации представляется так: «Критика – протест – анархия – переворот» [Там же, с. 133]. То есть демократия – это бунт ради бунта. Читая сочувственные комментарии к теории революции В.И. Ленина⁴ и к «размышлениям» Мао, понимаешь, что

⁴ К Ленину у Магуна отношение предельно серьезное. В кульминационном месте сказано: марксизм у Ленина приходит к «развернутому ответу на... вызов формально-содержательной двойственности демократии» [3, с. 105]. Слово «развернутый» об «ответе» чрезвычайно выразительно; очевидно, оно означает «полный». Оказывается, все ответы на вызовы – у вождя. От таких слов веет

всё серьезно. Здесь нормальна тревога. И не только из-за слишком уж волнующей автора веры в «экстатическое смещение» [Там же, с. 130] массы в революционном действии, но и по другой причине. Раз уж снова «могучий поворот руля» ведет нас к Ленину, то должно появиться что-то посерьезнее, чем «экстаз» неорганизованных масс. Так и происходит. Вначале появляется «гегемон»⁵, затем сила во главе гегемона, партия⁶, а затем и «авторитет», ведущий партию⁷. Так снова появляется знакомый до боли запах комиссарской кожи и лагерного барака. Социальный идеал А. Магуна отсюда, из восемнадцатого года, это коммуна. Массы побунтовали, пошумели, будя... Давайте на общественные работы. А если времени не хватает на участие в «самоконституировании народа», то можно «треть времени, затрачиваемого на просмотр телевидения, пустить на участие в совете района» [Там же, с. 145]. Как мы догадываемся, мы уже в коммуне. Уже и распорядок общественных работ готов: для экономного распределения времени «можно отойти от формы нуклеарной семьи», чтобы «не тратить время и силы на кухонные споры» [Там же]. Ну, а для недовольных такой «экономией», в особенности для тех, кто любит почитать тексты типа «Ромео и Джульетта» холодом и жутью, «век-волкодав» еще не отбежал, опять его призывают из тьмы.

⁵ «Демократию надо специально организовывать» [Там же, с. 145], «надо ковать солидарность больших масс» [Там же, с. 146], это «называется гегемонией» [Там же].

⁶ Нужна «сила, которая будет продавливать в сложившихся, допустим, формально демократических обстоятельствах содержательную линию демократии» [3, с. 105], т. е. революцию. О «партийном государстве» со ссылкой на авторитет А. Грамши см.: [Там же, с. 146].

⁷ «Во главе народа должны стоять авторитет, партия, гегемон» [Там же, с. 105]. Понятно, что порядок обратный – от гегемона к авторитету. В реальной истории бывает наоборот.

та» и мечтать о «нуклеарной семье», рядом с коммуной нужен непременно концлагерь — для реализации «содержательной линии демократии», т. е. для интеграции в «экстаз», это мы давно знаем из декретов большевиков, теперь знаем и из новейшей науки: в будущем совершенном обществе, по Магуну, итоговую «координацию... серьезных решений [...] может выполнять сильная деспотическая власть» [3, с. 147].

Важно, что и радикализма Ленина автору новейшей теории демократии мало, все-таки вождь опасался «детской болезни левизны», надо полагать, потому что был недостаточно современным «авторитетом гегемона». Итоговое определение социальной гармонии в книге А. Магуна круче, революционно радикальнее. Читаем: демократия — искусство баланса между деспотическим управлением «гегемона» и перманентным бунтом. «В политике [...] всегда важно искусство маневрирования [...] между тиранией и пермиссивной либеральностью» [Там же, с. 146]. Отсюда последние слова книги, итоговое определение: демократия — «качель» между бунтом и диктатурой, «между демоном и гегемоном» [Там же, с. 151]. Даже и сегодняшние левые, готовые через голову Ленина заискивать перед Мао, для А. Магуна недостаточно радикальны. Его революционность намного более волевая, деятельная. Готовая к немедленной организованной деятельности, к «критике — протесту — анархии — перевороту». Именно за отсутствие этой решительности совершались в его книге все суды над исторически существовавшими попытками демократии, над греками прежде всего, именно отсюда обвинение в «пустоте» их попыток.

Здесь же, в этой точке, становится очевидным и главное общее возражение А. Магуну: задолго до А. Магуна на непре-

менную связь между радикальной апологией революции и влюбленностью в тоталитаризм, в «гегемона» и «авторитета» указал Ф.М. Достоевский. Неужели А. Магун не видит прямой корреляции всех основных пунктов своей апологии революции с теоретической программой П. Верховенского? А если видит, почему не сослался на главного предшественника? Почему не указал, в чем отличие? Было бы любопытно почитать, ибо отличия не очевидны.

Никаких признаков понимания серьезности критики утопизма революционных теорий Достоевским в книге А. Магуна нет, но ответ на возможный упрек в большевизме есть. Он настолько любопытен, что заслуживает отдельного комментария. Большевики проповедовали, а «я не проповедую, а дедуцирую» [Там же, с. 145]. Такой вот ответ. У всех оппонентов — произвольные конструкции, вытекающие из локальных «событийных» контекстов, обнаруживающих всегда корыстную идеологию. А у А. Магуна идеологии нет, есть «дедукция».

* * *

А теперь исторически развернутое возражение по существу концепции А. Магуна. Начнем, как и он, с греков, и прежде всего с той ситуации, где антиисторизм современного конструирования наиболее очевиден, с «открытия», которым триумфально заканчивается раздел, посвященный в книге А. Магуна Древней Греции, с тезиса о тождественности греческого варианта транзита демократии современному американскому. «Экспорт демократии» — сказано об Афинах и в целом о Греции времени расцвета, VI–IV вв. до н.э. Словосочетание, хорошо знакомое нам из самого горячего политического дискурса,

оно в той части его спектра, где от университетской аналитики до трибуны в парламенте и утренней газеты совсем недалеко. Ближайшая коннотация этого словосочетания – «имперское доминирование», оно всегда присутствует в подтексте всех дискурсивных рядов на тему «экспорта», прямо заявлена и у А. Магуна. И тогда, если мы одним и тем же словом назвали политику США в Ливии в 2011 г. и греческих демократических полисов, скажем, в V–IV вв. до н. э., то и их мы оценили как имперское подавление (со всеми коннотациями имперского доминирования, т. е. с готовностью к большой крови). А теперь реальность. Коринф, метрополия, основавшая колонию Сиракузы, внедряет там демократию с помощью десанта во главе с Тимoleonом в 344 г. до н.э. Ну почти точный образец для «Бури в пустыне». Тогда оценка методов экспорта как тождественных верна? Нет. Экспортируется тот продукт, который не производится на месте. А на Сицилии демократия ко временам Платона уже состоялась как ценность, зашитая в культуре повседневности. Колонизаторы и колонисты были людьми одной культуры, вбивать демократию в эту жизнь гвоздями и топором, заливая землю кровью, не было никакой необходимости. Поэтому и крови не было, даже бывший тиран Дионисий не был казнен, а стал мирным обитателем в метрополии, в Коринфе. Такое вот внедрение демократии, в том числе и силой, но без экспорта именно потому, что демократия была уже местным продуктом. Назвать ее появление в Сиракузах «экспортом» – некорректно. Или скажем так: это «экспорт» особенный, совершенно иной природы, не допускающий отождествления с современными акциями вроде «защиты» демо-

кратии в 2011 г. в Ливии. К этому «товару», к демократии для экспорта, у греков как бы прилагалась инструкция: «не пробуйте дома сделать это сами», или если еще точнее, то такая: «не пробуйте это, не купив у нас предварительно наш этос». То есть у греков было отчетливое понимание того, что их демократия не является нормой, обязательной для всех, того, что есть много народов, для которых навязывание этой нормы невысказанно и не нужно. Большинство человечества живет совершенно иначе, для них демократия – странная вещь, на которую можно смотреть только издали, может, и с симпатией, но не прикасаясь. Позиция греков здесь оказывается чем-то сверхсложным, чем-то очень и очень неэлементарным. А если уж быть совсем точными, то придется произнести слово «трагизм».

Символов этого трагизма много. Самый выразительный – у Эсхила, прежде всего потому, что это очень ранние слова. Это слова хора, изображающего гонимых из пьесы «Персы». На вопрос царицы Атоссы, матери Ксеркса, о греках: «Кто же вождь у них и пастырь, кто над войском господин?», – хор отвечает: «Никому они не служат, неподвластны никому» (перевод С. Апта). Эти слова хора у Эсхила – это много или мало? Конечно мало, лучше бы текстов было побольше. Но это и очень много. Это невероятно сильно и красиво. В подлиннике слово «ποιμάνωρ», от «ποιμήν» – пастух. И тогда войско – стадо. Получается, стадо без пастуха. Это же абсурд, скажем мы, так не бывает, стадо без пастуха разбежится, отсюда энергия вопрошания Атоссы. А «стадо» не только не разбежится, оно побеждает. Победа из абсурда. Эсхильская метафора демократии как стада без пастыря – один из самых кра-

сивых символов, которые напридумывало человечество. Это индикатор того, что поворот руля уже состоялся. Уже произошел выход к совершенно новому небывалому состоянию человечества. Половинчатая, недоделанная, нереволюционная, но демократия уже состоялась. Если бы в греческой культуре, в этосе, не состоялось бы лет за сто до Эсхила это новое качество человеческой солидарности, свободное единство, слова гонцов были бы невозможны. Демократия как Дом свободы уже стоит – пусть это всего лишь две стены для крыши. Так состоялось исходное, фундаментальное определение демократии: возможность неразбегающегося стада без пастыря, сообщества свободных. Демократия у Эсхила насквозь самоиронична и поэтому трагична. Есть ясное понимание вселенского масштаба главного греческого изобретения, демократии как Дома свободы. Но вселенское поправлено локальным, отношение к персам у Эсхила несводимо к грубой насмешке, здесь нет высокомерия по отношению к диким варварам, нет элементарности взгляда сверху вниз, скорее наоборот: есть следы замороженностью величием Востока, то, что позже будет сопровождать всю греческую «либеральную» мысль в таких ее пиках, как «История» Геродота и «Киропедия» Ксенофонта, именно поэтому навязывание демократии персам, по Эсхилу, в принципе неуместно, *абсолютно невозможно*. Есть понимание того, что Восток имеет право смотреть на греков как на чудаков-полусумасшедших, и автор «Персов» принимает серьезность этого взгляда. Он согласен со значимостью убежденности в том, что войско без хозяина должно разбежаться, войско без хозяина – это абсурд, такой же как и стадо без пастыря. Да, пусть для дру-

гих мы, греки, сумасшедшие. Да, пусть то, что мы делаем, смешно. Но... это не только смешно... Эта самоирония знает и будущую критику в свой адрес, все будущие оценки и приговоры (греки – жулики, занимающиеся «передергиванием», по Магуну) в этой самоиронии уже учтены, все векселя уже погашены. Остается только добавить, что текст Эсхила написан в 480 г. до н.э., т. е. тогда, когда в Греции никакой демократии, по Магуну, и в помине не было, поскольку для его схемы удобно, чтобы демократия начиналась с революций, а таковую он смог найти только в середине пятого века, откуда он и отсчитывает начало истории греческой демократии⁸.

Полная невозможность увидеть серьезность Дома свободы, созданного греками, – фундаментальный провал аналитики новой книги о демократии, именно всей аналитики в целом, не только исторической. Заявив в методологии о необходимости содержательного понимания демократии, А. Магун выходит к возможности видения демократии как этоса. Но этого не происходит. Вместо сложной мысли – нагромождение бюрократических процедур. К традиционному списку критериев демократии добавилось требование непрерывного революционного обновления общества. Понимание демократии как революционной деятельности становится еще одной догмой, прибавленной к списку общепотребительных.

* * *

В заключение этих заметок остается еще раз подчеркнуть, что наша (возможно, чрезмерно решительная) критика не

⁸ «Именно эта реформа (Эфиальта, 462 г. до н. э. – В. М.) создала «подлинно» демократический режим», «только после Эфиальта мы имеем первые упоминания термина “демократия”» [3, с. 68].

отменяет самого факта значимости новой книги о демократии. Текст А. Магуна – фундаментальное явление сегодняшнего дискурса о демократии, это ни в коем случае не маргинальный нарост на здоровом теле науки, это скорее стусок мысли внутри ядра, находящегося в самом центре. Он комфортно расположился в мейнстриме современного знания. И для Делеза, и для Дерриды, и для Фуко, и для Жижека всё, что меньше, чем Большой Бунт, то уже сразу и фашизм⁹ (для С. Жижека нечто гораздо худшее [2]), но до прозрачности учебника этот «антифашизм» не доведен. А. Магун доводит до относительно ясных слов, до состояния краткой энциклопедии и учебника то, что является регулярной логикой дискурса о демократии в современном знании. В этом он не одинок, нечто близкое осуществлено недавно Д. Гребером [6]. Работа А. Магуна – в готовности к большей последовательности, он идет чуть дальше, вплоть до лучше, чем у

предшественников, прописанной готовности дополнить бунт тотальным насилием.

Литература

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
2. Жижек С. Шекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. – М.: Дело, 2014.
3. Магун А. Демократия, или Демон и гегемон. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 154 с.
4. Мартынов В.А. Конструктивизм как теория и как практика научных исследований // Вестник Омского университета. – 2016. – № 4. – С. 80–84.
5. Фуко М. Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 5–10.
6. Graeber D. The democracy project: a history, a crisis, a movement. – New York: Spiegel & Grau, 2013. – 352 p.

⁹ Самые монументальные «антифашистские» тексты в этом значении – «Анти-Эдип» Делеза [1] и предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» Фуко [5].

ON THE VECTORS AND THE LIMITS OF MODERN UNDERSTANDING OF DEMOCRACY

V.A. Martynov

Omsk State University,
Omsk, Russian Federation

vmartynov@list.ru

Among the impasses of radical constructivism, one of the most problematic is the modern understanding of democracy. The newest theory of democracy, developed in the newly published book of A. Magun, is an obvious example. The choice of the method logically brings the author to the left radicalism, whose apology turns out to be a model of genuine democracy that corresponds to its historical meaning. Attempts to write this model into the historical and cultural context provide the possibility of several critical remarks. The main problem of the concept of “actual” democracy is the easiness with which historicism is sacrificed as a fundamental epistemological principle. This is expected, since historicism in constructivism loses its significance. To reach the historical reality, we need the will to reality as such, but in radical constructivism it is impossible. And then the arbitrarily designed optics with the blinded diaphragm, taken from the slogans of today’s political establishment, transferred with uncontrolled energy to the view of the subjects of history, since we have rejected the very possibility of control along with the concept of reality, and then the historical reality begins to be judged according to the standards of fashionable templates. This is the prerequisite for the possibility of declaring any significance as “emptiness”. This is how the warlike skepticism towards historical versions of democracy appears. The courage to go to the edge provides the dignity of A. Magun’s concept, she is interested in the consistency, the readiness to firmly declare totalitarian violence by the meaning of democracy.

Keywords: democracy, epistemology, constructivism, revolution, ancient Greek democracy, ethos, Lenin, Aeschylus.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-32-40

References

1. Deleuze G., Guattari F. *L'anti-Œdipe. Capitalisme et schizophrénie* [Anti-Edipus: Capitalism and Schizophrenia]. Paris, Éditions de minuit, 1972 (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p.).
2. Žižek S. *The ticklish subject: the absent centre of political ontology*. London, Verso, 2009 (Russ. ed.: Zhizhek S. *Shchekotlivyi sub"ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii*. Moscow, Delo Publ., 2014. 528 p.).
3. Magun A. *Demokratiya, ili Demon i gegemon* [Democracy, or Demon and hegemon]. St. Petersburg, EUSP Press, 2016. 154 p.
4. Martynov V.A. Konstruktivizm kak teoriya i kak praktika nauchnykh issledovaniy [Constructivism as theory and practice of science research]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk university*, 2016, no. 4, pp. 80–84.
5. Foucault M. Predislovie k amerikanskomu izdaniyu “Anti-Edipa” [Preface]. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Œdipus: capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007, pp. 5–10. (In Russian).
6. Graeber D. *The democracy project: a history, a crisis, a movement*. New York, Spiegel & Grau, 2013. 352 p.